

СЕКРЕТА АТОМНОЙ БОМБЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

© 2013 г. **Абрам Исаакович Иойрыш¹**

Реакция СССР на атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки была внешне спокойной: краткое сообщение ТАСС.

На самом же деле Хиросима произвела на Сталина эффект потрясения. Сообщение о Хиросиме вызвало шок, депрессию. Он был взбешен. Вызвал Берию, говорил раздраженно:

– Что скажете, Лаврентий? Все козыри дали им в руки. Необходимые средства, людей, помещения, оборудование, все данные. Что еще надо? А все потому, что плохо контролировали, Лаврентий.

Берия, молчавший все это время, потянул руку к карману и вытащил список дублеров атомного проекта. Он был готов обсуждать конкретные кандидатуры. Сталин понял, что “это” не ускорит решения проблемы.

– Убери это, – сказал он. – Собери совещание. Пригласи Первухина и Курчатова. Надо обсудить все и подготовить постановление ГКО.

Совещание состоялось 13 августа. Угрюмый вид Сталина не сулил собравшимся ничего хорошего. Сталин подвел Игоря Васильевича Курчатова к отдельному столу, на котором лежал чертеж атомной бомбы. Сталин не мог понять, в чем особая сложность этой бомбы. Почему нельзя ее изготовить на каком-нибудь оборонном заводе?

Курчатова попытался объяснить Сталину, что главная сложность бомбы в двух заштрихованных мелкой сеткой полусферах.

– Их надо изготовить из специальных материалов: урана-235 или плутония-239.

– Ну и в чем же проблема? – резко спросил Сталин.

– Проблема в том, Иосиф Виссарионович, что этих материалов в чистом виде не существует в природе.

– Откуда же они взялись у американцев?

– Их можно получить только искусственными путями. Эти пути очень сложны и не изучены досконально. Они требуют строительства не-

скольких новых грандиозных заводов. Необходимо развернуть широкий фронт добычи урановой руды. Требуется создание новых технологий, работа десятков НИИ и КБ.

Сталин не любил многословия, забывал во время длинных речей начальные аргументы и плохо понимал конечные выводы. Он сурово посмотрел на Курчатова и прервал его:

– А почему же Вы, товарищ Курчатова, не потребовали у нас того, что нужно было для максимального ускорения работ?

– Столько разрушено, товарищ Сталин. Столько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает.

Такой ответ разъярил Сталина.

– Дитя не плачет – мать не понимает, что ему нужно. Сталин сразу успокоился.

– Просите все, что угодно. Отказа не будет!

Затем Сталин выслушал предложения Первухина и Берии по ускорению работ.

Сталин дал присутствующим пять дней для подготовки постановления ГКО, сказав:

– Создание атомной бомбы – государственная задача № 1. Совещание ГКО было назначено на 20 августа. Через день появился один из самых секретных документов.

«Особая папка»

Государственный Комитет Оборона Постановление № 9887 от 20 августа 1945 года. Москва, Кремль.

1. О Специальном Комитете при ГОКО. Государственный Комитет Оборона постановляет: организовать при ГОКО Специальный комитет в составе т. т.: 1. Берия Л.П. (Председатель). 2. Маленков Г.М. 3. Вознесенский Н.А. 4. Ванников Б.Л. (зам. Председателя). 5. Завенягин А.П. 6. Курчатова И.В. 7. Капица П.Л. 8. Махнев В.А. 9. Первухин М.Г.

2. Возложить на Специальный Комитет при ГОКО руководство всеми работами по исследованию внутриатомной энергии урана., а также строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы.

¹ Главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: iggran@iggran.ru).

3. Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Специального Комитета при ГОКО., а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана создать при Комитете Технический Совет...

4. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб организовать при СНК СССР Главное Управление – Первое Главное Управление при СНК СССР, подчинив его Специальному Комитету при ГОКО.

5. Обязать Специальный Комитет при ГОКО разработать и представить на утверждение Председателя ГОКО план работ Комитета и Первого Главного Управления при СНК СССР и мероприятия по их осуществлению.

6. Специальный Комитет ГОКО принимает оперативные меры по обеспечению выполнения заданий, возложенных на него настоящим постановлением; издает распоряжения, обязательные к выполнению для наркоматов и ведомств, а в случаях, требующих решения Правительства, вносит свои предложения непосредственно на утверждение Председателя ГОКО.

Специальный Комитет при ГОКО имеет свой аппарат, смету расходов и текущий счет в Госбанке СССР.

7. Специальный Комитет при ГОКО определяет и утверждает для Первого Главного Управления при СНК СССР размер потребных ему денежных ассигнований, рабочей силы и материально-технических ресурсов с тем, что Госпланом СССР эти ресурсы включаются в балансы распределения как “Специальные расходы ГОКО”.

8. Председателю Госплана СССР т. Вознесенскому Н.А. организовать в Госплане СССР Управление по обеспечению заданий Специального Комитета при ГОКО.

Назначить начальником указанного управления зам. Председателя Госплана СССР т. Борисова Н.А., освободив его от другой работы по Госплану и ГОКО.

9. Установить, что финансирование расходов и содержание Специального Комитета при ГОКО, Первого Главного Управления при СНК СССР научно-исследовательских, конструкторских, проектных организаций и промышленных

предприятий последнего, а также работ, выполненных другими наркоматами и ведомствами по указанию Управления, относится на бюджет по статье “Специальные расходы ГОКО”.

Финансирование капитального строительства для Первого Главного Управления при СНК СССР проводить через Госбанк.

Освободить Первое Главное Управление при СНК СССР и подведомственные ему учреждения и предприятия от регистрации штатов в финансовых органах.

10. Утвердить начальником Первого Главного Управления при СНК СССР и заместителем Председателя Специального Комитета при ГОКО тов. Ванникова Б.Л. с освобождением его от обязанностей Народного Комиссара Боеприпасов.

Утвердить заместителями начальника Главка: Звенягина А.П. – первым заместителем, Борисова Н.А. – заместителем, Мешика П.Я. – заместителем, Антропова П.Я. – заместителем, Касаткина А.Г. – заместителем.

11. Установить, что Первое Главное Управление при СНК СССР, его предприятия и учреждения, а также работы, выполняемые другими наркоматами и ведомствами для него, контролируются Специальным Комитетом при ГОКО.

Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГОКО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого Главного Управления при СНК СССР, его предприятий и учреждений или требовать справки о его работе или работах, выполняемых по заказам Первого Главного Управления при СНК СССР. Вся отчетность по указанным работам направляется только Специальному Комитету при ГОКО.

12. Поручить Специальному Комитету в 10-дневный срок внести на утверждение Председателя ГОКО предложения о передаче Первому Главному Управлению при СНК СССР необходимых для его работы научных, конструкторских, проектных, строительных организаций и промышленных предприятий, а также утвердить структуру, штаты и оклады работников аппарата Комитета и Первого Главного Управления при СНК СССР.

13. Поручить тов. Берия принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руко-

водство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.).

*Председатель Государственного
Комитета Обороны
И. Сталин»*

Документ был длинным, обстоятельным.

Специальному Комитету (СК) были предоставлены неограниченные полномочия в стране. Его контролировал только Сталин.

Именно этот Совет Б.Л. Ванников, будущий руководитель атомной промышленности, назвал И.В. Сталину в 1945 г. в качестве одного из возможных вариантов организации управления атомной программой СССР. Предложение было одобрено.

Б.Л. Ванников вспоминал: «В августе месяце... меня вызвал Сталин. Разговор со мною начал с вопросов об атомной бомбе, причем сказал, что мне, наркому боеприпасов, вероятно, известно об атомной бомбе больше других наркомов. К сожалению, я был очень мало сведущ как в конструкции атомной бомбы, так и в технике, и в производстве атомных материалов, и тем более в ядерной физике. Мне было известно только то, что проникало через советскую печать. Об этом я сказал товарищу Сталину и указал также, что, насколько я в то время знал, общее у атомной бомбы и бомбы с тротильным взрывчаткой и другими видами химических взрывчатых веществ, по существу, только одно название и назначение – произвести разрушение, да и в этом случае разница в силе взрыва столь велика, что, пожалуй, не следует искать обобщений.

Сталин вкратце остановился на атомной политике США и затем повел разговор об организации работ по использованию атомной энергии и созданию атомной бомбы у нас в СССР. Далее Сталин сказал: “Я хотел с Вами посоветоваться – как организовать работы по созданию атомной бомбы. Берия предлагает все руководство возложить на НКВД, создать в НКВД специальное Главное управление, в качестве начальника этого Управления назначить своего заместителя товарища Завенягина, а заместителем к товарищу Завенягину тоже своего заместителя в НКВД товарища Чернышева. Такое предложение, – продолжал Сталин, – заслуживает внимания. В НКВД имеются крупные строительные и монтажные организации, которые располагают значительной армией строительных рабочих, хорошими квалифицированными специалистами, руководителями. НКВД также располагает разветвленной сетью местных

органов, а также сетью организаций на железной дороге и на водном транспорте... Как Вы оцениваете такое предложение?” – закончил вопросом Сталин».

Б.Л. Ванников ответил, что такой разговор для него неожидан и необходимо время для обдумывания некоторых деталей. Он понимал, что в предлагаемом Берией варианте немало сомнительных моментов. Во-первых, работы по созданию атомной бомбы сложны и разносторонне велики по масштабам. Значение их выходит за рамки какого-либо ведомства, даже такого могучего, каким в то время являлся НКВД. Значит, в дело должны быть включены все государственные силы и возможности. Во-вторых, Ванников сомневался, что НКВД, известный своими репрессиями интеллигенции за последние 15–20 лет, способен правильно руководить огромным коллективом привлекаемых ученых и специалистов, даже в рамках специально организуемого Главного управления НКВД...

Ванников довел свои соображения до Сталина. Берия же пытался пробить свои предложения. Сталин отверг их: “Это не пойдет. Нужно создать Специальный комитет... Такой комитет должен находиться под контролем ЦК, и работа его должна быть строго засекречена... Комитет должен быть наделен особыми полномочиями. Председателем комитета назначить Вас (обращаясь к Берии. – *А.И.*)”.

Предложенные Берией в заместители себе Завенягин и Чернышев Сталиным были также отклонены (“нужны будут в НКВД”). Он принял решение: “Заместителем председателя Комитета назначим Ванникова”.

В состав Спецкомитета вошли: Л.П. Берия – председатель, М.Г. Первухин – заместитель Председателя Совнаркома СССР, Н.А. Вознесенский – Председатель Госплана СССР, Г.М. Маленков – секретарь ЦК КПСС, Б.Л. Ванников – нарком боеприпасов, В.А. Махнев – секретарь Специального комитета, П.Л. Капица – академик, директор ИФП АН СССР, А.П. Завенягин – заместитель наркома внутренних дел, И.В. Курчатов – начальник Лаборатории № 2 АН СССР, научный руководитель проблемы. Л.П. Берия одновременно с назначением председателем Специального комитета стал первым заместителем Председателя Совнаркома и был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел. На Берию возлагалась также организация закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.).

Специальный комитет стал головным центром Атомного проекта, объединив в себе следующие составляющие: научную – И.В. Курчатов, инженерно-промышленную – Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин; разведывательно-информационную и контрразведывательную – Л.П. Берия, планово-экономическую – Н.А. Вознесенский; партийно-кадровую – Г.М. Маленков, административно-координационную (привлечение различных министерств и ведомств) – М.Г. Первухин. Работа над Атомным проектом изначально контролировалась лично И.В. Сталиным. Это видно из многочисленных документов и материалов Специального комитета, которые он неоднократно подписывал, а также из опубликованных в настоящее время постановлений правительства, которые определяли развитие атомной промышленности.

На Специальный комитет возлагалась организация всей деятельности по использованию атомной энергии в СССР: научно-исследовательских работ, разведки месторождений и добычи урана в СССР и за его пределами, создания атомной промышленности, атомно-энергетических установок, разработки и производства атомных бомб. Последняя задача была ключевой в реализации Атомного проекта СССР.

Спецкомитет функционировал как орган при Совете Народных Комиссаров, а с марта 1946 г. – Совете Министров СССР. Спецкомитет рассматривал все наиболее принципиальные организационные вопросы, возникавшие в ходе осуществления советского Атомного проекта. На заседаниях Спецкомитета обсуждались, корректировались, одобрялись или отклонялись относящиеся к атомной проблеме проекты постановлений и распоряжений ГКО, СНК (СМ) СССР, которые представлялись затем на утверждение И.В. Сталина.

Спецкомитет имел свой аппарат, смету расходов и текущий счет в Госбанке СССР. В Госплане для обеспечения работы Спецкомитета было создано особое подразделение – Первое управление Госплана под руководством заместителя председателя Госплана Н.А.Борисова. В конце 1949 г. это управление было передано непосредственно в состав Спецкомитета для укомплектования учрежденного в его аппарате Управления по вопросам планирования и контроля специальных работ. Финансирование расходов Спецкомитета проводилось по статье “Специальные расходы ГКО” бюджета СССР.

Неукоснительно соблюдались меры для обеспечения максимальной секретности деятельности Спецкомитета. Повестки дня его заседаний не

рассылались, равно как и материалы к ним (записки, проекты предложений и т.д.). О вопросах, намеченных для рассмотрения на очередном заседании, членов Комитета за два дня по телефону оповещал секретарь Комитета, у которого при необходимости можно было лично ознакомиться с подготовительными документами. Список участников каждого заседания предварительно утверждался председателем Комитета. Причем работники ПГУ и аппарата Спецкомитета приглашались для обсуждения тех проблем, в разработке которых участвовали, а руководители ведомств – только тех конкретных вопросов, которые касались их ведомства. Повышенный режим секретности относился и к ПГУ, а также к учреждениям и предприятиям, сотрудничавшим в Атомном проекте.

На том же совещании были рассмотрены кандидатуры в Ученый совет по атомной энергии, куда вошли первоначально А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, И.К. Кикоин, Ю.Б. Харитон, Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин и В.А. Махнев. Сталин предложил: “Давайте назначим председателем Ученого совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе, и Капица, а если не будут – у него рука крепкая; к тому же он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военные...” Б.А. Ванников был назначен заместителем начальника Комитета и председателем Ученого совета. А через несколько минут Сталин назначил Ванникова на вновь создаваемую должность наркома по атомной энергии (Первое Главное управление при СНК СССР).

В Коллегию Первого Главного управления при Совете Народных Комиссаров СССР вошли восемь человек: председатель – Б.Л. Ванников, члены – А.П. Завенягин, П.Я. Антропов, Н.А. Борисов, А.Н. Комаровский, П.Я. Мешик, А.Г. Касаткин, Г. Корсаков. Половину членов Коллегии в эти годы составляли люди, для которых атомная промышленность была своего рода “совместительством”, правда, без особых льгот, но с огромной долей ответственности.

Одновременно с организацией ПГУ при СНК СССР были организованы и работали на создававшуюся атомную промышленность целые главки и подразделения других ведомств и наркоматов: Первое Главное управление Госплана, 9-е Управление НКВД, Первое Главное геологоразведочное управление Комитета по делам геологии, Главпромстрой НКВД.

Очень скоро из других ведомств были переданы в ПГУ и перепрофилированы некоторые ин-

ституты, заводы, конструкторские бюро, начали строиться новые, разрабатываться старые урановые месторождения.

Постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля 1946 г. Первое Главное управление было преобразовано в государственный центр по типу крупного оборонного министерства с особыми правами и гибкой организационной структурой, сокращающей до минимума время на различные межведомственные согласования. Выделение ПГУ материально-технических фондов планировалось в Госплане особой строкой и в первоочередном порядке.

Ряд крупных руководителей по совместительству с основной работой в “своих” министерствах были назначены заместителями начальника ПГУ. Среди них был и А.П. Завенягин. Ему как заместителю министра внутренних дел СССР были подчинены все строительные организации этого ведомства, в том числе Главпромстрой и другие, которые привлекались к ускоренному созданию новой отрасли промышленности. По такому же совместительскому принципу, увязывающему руководство ПГУ с другими министерствами, привлеченными к решению атомной проблемы, были назначены и другие заместители Председателя ПГУ, среди них: П.Я. Антропов – министр геологии СССР, ответственный за геологическую разведку и организацию разработок урановых месторождений; Е.П. Славский – заместитель министра цветной металлургии; Н.А. Борисов – заместитель Председателя Госплана СССР; В.С. Емельянов – заместитель министра металлургической промышленности; А.Н. Комаровский – начальник Главпромстроя МВД СССР.

Это была гибкая межотраслевая структура государственного управления, направленная на создание и становление в кратчайшие сроки новой специальной отрасли промышленности. Высокая оперативность, деловитость, быстрое принятие решений “без проволочек” и в то же время высокая требовательность и исполнительская дисциплина были характерны для ПГУ – нового чрезвычайно правительственного органа. Все учреждения и привлеченные участники повседневно ощущали этот особый стиль руководства и организации работ, который как бы продолжал, но уже в мирных условиях стиль работы и оперативного управления оборонной промышленностью в годы Великой Отечественной войны.

Особая роль в работе ПГУ возлагалась на созданный с первых дней организации Научно-технический совет (НТС) ПГУ и его специализированные секции. Созданный в начале как

Технический совет при Спецкомитете (первое заседание состоялось 27 августа 1945 г.), он уже 9 апреля 1946 г. был передан ПГУ.

Решения и оценки НТС имели очень большое значение в правильном выборе направлений всех работ и обеспечении их эффективности.

Заседания НТС и его секций отличались высоким демократизмом, свободным обсуждением всех вопросов, невзирая на научные или административные авторитеты, и это позволяло принимать правильные и ответственные решения и рекомендации. По утвержденному Специальным комитетом статусу все решения и рекомендации НТС и его секций были обязательными для исполнения всеми, кого это касалось.

Совет развил активную деятельность. Были распределены обязанности между его членами, решались вопросы размещения заказов, разработок и получения оборудования, приборов и материалов от промышленных предприятий, вопросы создания технологии производства, организации строительства и монтажа. Привлекались лучшие специалисты науки, промышленности, строительства. Проектирование вели параллельно с исследованиями, организовывали поиск и разведку урана и тория.

НТС определил последовательность физико-металлургических работ – создания атомного котла, облучения урановых стержней, разработки химических процессов, извлечения плутония. Этот труднейший процесс потребовал создания громадного и сложного производства, постановки новых задач перед многими предприятиями, специализированными институтами и лабораториями. В решение атомной проблемы нужно было вовлечь специалистов самых различных областей науки и техники: металлургов, механиков, химиков, биологов, текстильщиков и специалистов по стеклу. Проблема была комплексной, и ее можно было решить только путем объединения максимального числа людей, наиболее сведущих в области науки и техники.

В состав Технического совета вошли: председатель Совета, зам. председателя Спецкомитета, начальник ПГУ при СНК – Б.Л. Ванников, одновременно нарком боеприпасов СССР; ученый секретарь Совета академик – А.И. Алиханов; члены: академики А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.Г. Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР И.Н. Вознесенский, И.К. Кикоин, доктор физико-математических наук, проф. Ю.Б. Харитон, зам. наркома, начальник 9-го управления (специальных институтов) НКВД

СССР, зам. начальника ЛГУ при СНК СССР генерал-лейтенант А.П. Завенягин, В.А. Махнев. В задачи Совета входило предварительное рассмотрение научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Спецкомитета, рассмотрение планов НИР и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана. Решения Техсовета становились обязательными для всех привлеченных к проекту наркоматов и институтов Академии наук.

Объем работы новоучрежденного Совета оказался настолько велик, что его аппарат, утвержденный Спецкомитетом в октябре 1945 г., пришлось подразделить на четыре комиссии и секцию.

Технический совет и его комиссии не смогли квалифицированно и своевременно решать многие инженерные вопросы, а главное – авторитетно координировать и направлять деятельность КБ, заводов и проектных институтов, привлеченных к проекту. Потребовалось создание наряду с Техсоветом нового, дополнительного органа, в составе которого лично и непосредственно взаимодействовали бы руководители ведущих отраслей промышленности.

Такой орган был создан в декабре 1945 г. под названием Инженерно-технический совет (ИТС) при Специальном комитете. Его председателем был утвержден член Спецкомитета, нарком химической промышленности М.Г. Первухин.

В том же декабре 1945 г. состав ИТС был расширен за счет дополнительно утвержденного штата экспертов (12 человек), крупных ученых, ведущих конструкторов, директоров НИИ. В их числе были германские ученые, в конце 1945 г. вывезенные в СССР.

В соответствии с принципиальными решениями, принятыми Техсоветом и Спецкомитетом, на ИТС возлагалось непосредственное инженерно-техническое руководство проектированием и сооружением предприятий, конструированием и изготовлением оборудования.

Председатель ИТС распоряжался специальными сметными суммами как для оплаты работ экспертов, проектных, конструкторских, научно-исследовательских организаций, предприятий, так и для стимулирования изобретательства и рационализаторства. Расходы по проектированию сооружений, конструированию оборудования и связанными с ними НИР проводились по смете ПГУ, которое и выступало заказчиком этих работ.

Важной составляющей в деятельности Спецкомитета стала организация закордонной развед-

ывательной работы в области использования ядерной энергии. Еще в 1944 г. было решено координировать все усилия разведки по атомной проблеме через НКВД. Несанкционированная деятельность по получению информации об атомных разработках отныне строго пресекалась: ничто не должно было выдать интерес СССР к атомной проблеме.

Заседания Спецкомитета проходили в НКВД. После того как в декабре 1945 г. Берия оставил пост наркома внутренних дел и переехал с Лубянки в Кремль, заседания Спецкомитета стали проходить в Кремле (как правило, в кабинете Берии).

Спецкомитет, его члены обладали (по своему должностному положению) всем необходимым, чтобы применять все виды административного (и не только административного) воздействия на тех руководителей (независимо от их ранги и служебное положение), которые пытались как-либо уклониться от выполнения требований по оказанию помощи ученым Лаборатории № 2. Все должно было неукоснительно выполняться и обеспечиваться. Отказы не принимались. Все требования надо было выполнять быстро и качественно.

В стране существовал и был установлен строгий порядок, обязательный для всех без исключения руководителей ведомств. Нельзя было начинать строительство нового или реконструкцию старого предприятия без предварительно рассмотренных, проектов и смет, утвержденных соответствующими органами. А организациям ПГУ было разрешено начинать любое дело, любое строительство, любой заказ на оборудование без утвержденных проектов и смет.

Работы выполнялись по так называемым “чертежам-белякам”, по фактическим расходам. “Чертежи-беляки” отправлялись в дело прямо с чертежного стола конструктора. Конечно, были лишние затраты, переделы, бросовые работы. Но все это в итоге окупалось быстротой решения, быстротой исполнения.

За период с 1945 по 1949 г. было принято свыше 1000 постановлений и распоряжений ГКО, СНК и СМ СССР.

Жизнь требовала создавать коллективы, способные решать крупные проблемы.

Как никто другой, Курчатов умел добиваться поставленной цели, увлечь людей, спланировать их в дружный коллектив, вести за собой. Очень немногословный, сдержанный, он никогда не отступал от намеченного. Слово Курчатова было

законом. Он был личностью поистине титанической. Трудно подобрать слово для определения его характера, наверное, самым точным будет слово “глыба”.

Мы знаем, что Курчатов был академиком, трижды Героем Социалистического Труда. Это – отражение только одной, парадной стороны его биографии. А ведь он был еще и просто человеком, мужем, братом, другом, гражданином, и на его долю выпали не только слава и удача.

Именно в пору активного сотрудничества с промышленными ведомствами Курчатов близко узнал наркома боеприпасов Бориса Львовича Ванникова. Они быстро сошлись характерами. Их сдружили не только общие дела, но и схожесть натур. Оба были неистощимыми оптимистами и жизнелюбами, оба обладали большим запасом юмора, оба умели работать с полной отдачей сил. И Ванников, и Курчатов были памятьливы на людей и обычно сходились в их оценках. Наконец, и тот, и другой умели многое понимать с полуслова: им не приходилось изнурять друг друга, доказывая какие-то очевидные истины, что часто бывает в совместной работе людей науки и людей производства.

Б.Л. Ванников был одним из организаторов оборонной промышленности. В годы первых пятилеток он был директором ряда машиностроительных и оружейных заводов. Перед самым началом войны был арестован как участник заговора военных. Вместе с генералами К.А. Мерецковым, Я.В. Смушкевичем, Г.М. Штерном, П.В. Рычаговым и другими прошел изнурительные допросы в подвалах Лубянки, которые сделали его, по сути, инвалидом.

В первые, самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны Сталин вспомнил о нем и посетовал на то, что его нет в живых: вот кого, мол, не хватает. Берия, зная, что Ванников жив, ответил Сталину:

– А вдруг он жив?.. Всякое бывает.

Незадолго до освобождения ему было предложено подготовить записку И.В. Сталину с изложением своих соображений относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий. После обсуждения записки у И.В. Сталина Б.Л. Ванникову вручили удостоверение, где было написано, что он был подвержен аресту по недоразумению и считается полностью реабилитированным.

Через неделю Ванников возглавил Наркомат боеприпасов. В годы войны нарком боеприпасов Ванников выполнял задачу большой государ-

ственной важности – обеспечение фронта боеприпасами. Ванников не связывал инициативу людей, работавших с ним. Но когда следовало вмешаться, делал это решительно, оказывая необходимую помощь и устраняя помехи, мешавшие успешному выполнению задания. Хороший инженер, он определял возможные сферы затруднений и принимал меры к тому, чтобы не допустить их возникновения.

По словам академика Ю.Б. Харитона, “блестящий инженер и прекрасный организатор, Б.Л. Ванников быстро сумел найти общий язык с большим коллективом ученых, возглавляемым И.В. Курчатовым... Его же влияние помогло быстро добиться того, что производственники приучились выполнять жесточайшие технологические требования ученых, требования, которые поначалу казались производственникам бессмысленно завышенными и практически невыполнимыми...”

Б.Л. Ванников стоял у истоков зарождения атомной промышленности СССР. Под его руководством были созданы первые атомные промышленные центры страны, проводились и усиленные испытания ядерного оружия, положены основы использования ядерных технологий для выработки электроэнергии и для медицинских и иных народнохозяйственных целей.

А.П. Завенягин решал организационные вопросы по проектированию, подготовке строительной площадки и началу строительных работ, через наркомат выделял большое количество рабочих-строителей, механизмы, изучал технологию будущего производства. Много внимания уделял процессу металлургии урана и плутония. Недавно стал достоянием исторической науки такой факт: кроме Курчатова и Кикоина только Ванникову и Завенягину адресовалась вся информация, добытая в США сотрудниками Четвертого управления МГБ СССР.

Металлурга Завенягина всегда увлекала теория относительности. Он постоянно возвращался к работам Эйнштейна и его комментаторов, потом засел основательно за атомную физику (было у кого консультироваться). “Большой начальник” даже предлагал технические решения – “обычно вполне разумные”, по мнению академика Сахарова. Для нас еще важнее другое свидетельство Андрея Дмитриевича: “А.П. очень многое решал и делал самостоятельно... Жесткий, решительный, чрезвычайно инициативный начальник, он очень прислушивался к мнению ученых”.

...Выбор и обследование строительной площадки первого промышленного котла были про-

изведены в конце 1945 г., и тогда же по распоряжению Завенягина туда выехала первая группа строителей.

По инициативе Авраамия Павловича работы по созданию первой отечественной ядерной бомбы, проводимые участниками предприятий и организаций (“Такое рассредоточение работы может привести к огласке”, – говорил Завенягин), концентрируются в специально созданном в 1946 г. КБ-11. Все вопросы, связанные с его становлением, развитием, обеспечением, – в поле внимания А.П. Завенягина.

Госплан СССР в ПГУ представлял Н.А. Борисов. Вместе с аппаратом из 12 человек он осуществил первый опыт программно-целевого планирования. Выделившись в специальную группу при Госплане СССР, коллектив экономистов во главе с Н.А. Борисовым занимался планированием всех работ, их финансированием, комплектованием.

С осени 1945 г. ближайшим сотрудником Курчатова и членом ПГУ стал В.С. Емельянов. Перейдя в ПГУ с поста председателя Госстандарта, он осуществлял координацию работ научно-исследовательских и конструкторских бюро. Емельянов после окончания Института стали и сплавов с 1932 г. работал на Челябинском ферросплавном заводе, хорошо знал район Кыштыма.

Комаровский в 1942–1944 гг. руководил Челябинским металлургическим заводом НКВД СССР. С 1944 г. переехал в Москву, где возглавил Главпромстрой НКВД. Основной рабочей силой этой огромной строительной организации были заключенные. С 1943 г. на Главпромстрой возлагалось выполнение строительной программы Уранового проекта.

Прокладку дорог и освоение площадки начали практически зимой 1946 г. Когда строительство выросло в самостоятельное подразделение, его начальником был назначен Я.Д. Рапопорт – генерал-майор инженерно-технической службы.

По предложению Завенягина главным инженером строительства назначают Сапрыкина. Завенягин приглашает в новую отрасль промышленности ряд других специалистов, с которыми ему пришлось ранее работать и которых он уважал и ценил. Среди них Воронцов – главный геолог комбината в Заполярье.

В 1953 г. было создано Министерство среднего машиностроения СССР. Его первым министром был назначен Указом Президиума Верховного Совета СССР В.А. Малышев. Министерство включало в себя восемь главных управлений,

15 управлений, три Научно-технических совета и девять самостоятельных отделов и групп.

В Минсредмаше стремительно возникали невиданные полигоны, гигантские предприятия и рядом – города. Эта отрасль всегда и заметно опережала время. В ней были собраны замечательные специалисты, создавшие новые области наук, новые направления техники и новые отрасли промышленности...

* * *

Как грибы после дождя, возникали на планете после Второй мировой войны засекреченные поселения, в которых люди выполняли работу, не нуждающуюся в широкой рекламе: Лос-Аламос, Челябинск-70, Арзамас-16... Человечество осознало себя заложником этих резерваций. Только в одной России 10 атомных городов и поселков. На их территории проживали и проживают, служили и служат, занимались и занимаются научными исследованиями, производили и производят стратегическую продукцию сотни тысяч людей. Десятилетиями их жизнь определялась строго зашифрованными ведомственными инструкциями и указаниями. Еще не в столь давние времена они могли, например, выезжать в отпуск лишь раз в пять лет.

К строительству засекреченных городков и поселков Советский Союз приступил в 40-е годы – чуть позже, чем в США. Строили их, исходя из принципа экономии, – производственный объект и жилой массив располагались по соседству. За десятилетия города расширились, вокруг них возводились проволочные ограждения, а с ними и проблемы. Эти города, которых нет на карте, окружены защитой из колючей проволоки, контрольно-следовой полосой и соответствующей сигнализацией. Такой же защитой окружалась основная площадь прилегающего к городу леса. В лесу находились рабочие площадки, тоже защищенные специальной оградой. На ряде площадок велись эксперименты, сопровождаемые взрывами изготовленных с большой точностью зарядов из обычных взрывчатых веществ в совокупности с различными устройствами. По существу, это модели ядерных устройств для чисто научных исследований.

Цена получения отечественной атомной бомбы – несвобода многих десятков тысяч советских людей, не только заключенных ИТЛ, но и ученых, и других категорий вольнонаемных работников. На строительстве объектов атомной промышленности на Урале и в Сибири трудились десятки тысяч заключенных, а также спецпереселен-

цев. Местом их жительства были ИТЛ атомных строек. Они не были заключенными, но жили и работали в ИТЛ. На строительстве завода № 817 (Челябинск-70) было задействовано 5054 чел. – спецпоселенцы, на строительстве № 313 (Свердловск-44) – 453 чел. – спецпоселенцы. В 1950 г. их общее количество на спецстройках МВД СССР составляло 44 464 человека.

С 1945 по 1950 г., до получения отечественной атомной бомбы, не только заключенные, но и вольнонаемные работники предприятий и организаций закрытых городов не имели права покидать пределы объектов. Освобождавшиеся от отбывания наказания заключенные были вынуждены оставаться на территории объектов и работать в специально сформированных строительных отрядах. Только в 1950 г. было разрешено жителям поселков выезжать за их пределы для лечения, если медицинская помощь не могла быть оказана в местных медучреждениях, и для учебы в вузах по заочной форме обучения. В период демократических преобразований, начавшихся в СССР после смерти И.В. Сталина, распоряжением Совета Министров СССР от 25 июля 1953 г. директорам предприятий было предоставлено право разрешать выезд за пределы закрытых городов их жителям в очередные отпуска. Таким образом, участникам строительства предприятий и их работникам – потенциальным носителям государственных секретов в течение многих лет приходилось быть лишенными свободного передвижения по стране.

Следует подчеркнуть, что закрытыми эти города стали не только потому, что их хотели спрятать, засекретить, но и по причине необходимости соблюдения безопасности при проведении определенных работ. Например, в таком городе были зоны, площадки, где велись опасные работы, и доступ туда, естественно, был строго ограничен для посторонних. Образцы оружия, разрабатываемые и изготавливаемые для отправки на ядерный полигон, являются источником опасности. Поэтому крайне важно было ограничить доступ в закрытые города людей, не имевших отношения к этой работе.

Мозговой центр отечественного ядерно-оружейного комплекса – крупные научно-исследовательские центры Арзамас-16 и Челябинск-70 наши аналоги Лос-Аламоса и Ливерморской национальной лаборатории.

Место для научного комплекса по созданию советской атомной бомбы выбирали с таким расчетом, чтобы оно было и недалеко от столицы, и подальше спрятано в лесах. Было поставлено

условие: “В уединенном месте, вдали от больших трасс и дорог, не далее 400 километров от Москвы”. Говорят, сам Берия и его окружение участвовали в этом деле. Все – от НКВД до ученых очень торопились. Нужно было побыстрее заделать брешь в нашем оборонном щите, создав сверхоружие, подобное американскому.

Для организации центра по разработке и производству бомбы было выбрано место на юго-востоке Нижегородской области, где имелось приличное жилье на первое время – ядерщики заняли помещение Саровской гостиницы. Была кое-какая техническая база – завод по производству снарядов для “катюш”. Ну а с рабочей силой проблем вообще не возникало – в нескольких километрах находились знаменитые “Мордовские лагеря”.

В Арзамасе-16 расположился Институт экспериментальной физики под наименованием КБ-11 (при Лаборатории № 2). Город находился на месте, которое до революции называлось Саров и имело большое религиозное значение. Здесь был мужской Саровский монастырь, в котором в прошлом жил известный отшельник Серафим, причисленный к лику святых. Именно сюда в начале века приезжал царь Николай II с супругой и свитой молиться о даровании наследника. Кстати, год спустя царский наследник действительно появился, что еще больше усилило притягательность этого места, которому было суждено стать местом рождения нашей атомной бомбы. Монастырь был ликвидирован в 1927 г. Потом здесь были детская трудовая колония для беспризорников, небольшой механический завод, делавший прессы для тракторного производства, а перед войной выпускавший крупнокалиберные снаряды. В 1946 г. правительственным постановлением здесь было организовано так называемое КБ-11, перед которым поставили задачу ликвидировать монополию США на ядерное оружие. В кратчайший срок сюда направили немало талантливых ученых.

В Арзамасе-16 мало что осталось от Саровского монастыря. Уцелели колокольня, здания гостиницы... Помимо городского музея и созданного местными любителями истории музея “Саровская пустынь” есть в городе уникальнейший музей ядерного оружия. Здесь можно своими руками потрогать первую советскую атомную бомбу, ужаснуться чудовищным размерам термоядерной бомбы, посмотреть фрагменты некогда совершенно секретных фильмов об испытаниях атомного и водородного оружия и услышать строгий, но вместе с тем и ликующий голос озвучивавшего их диктора: “Ослепительная вспышка! Бушую-

щая стихия уничтожает все опытные сооружения в радиусе до четырех километров”.

Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ экспериментальной физики – ВНИИЭФ – это не просто старейший центр ядерного оружия. Это уникальный научно-инженерный комбинат, где в одном комплексе эффективно соединены фундаментальная и прикладная наука, научный и инженерный эксперимент, технология, конструкторское дело и производство.

Здесь была сделана первая “эрдээска” – атомная авиабомба РДС-1, которую называли “Россия делает сама” и “Реактивный двигатель Сталина” и которая на самом деле в постановлении 1946 г. об образовании КБ-11 была названа «Реактивный двигатель “С”» (очевидно – “специальный”)... Здесь создана и первая советская водородная, термоядерная бомба, разработаны современные стратегические заряды ядерных сил России.

По меркам Большой земли (как давно привыкли называть внешний мир) ВНИИЭФ – это по крайней мере два-три десятка серьезных НИИ разного профиля. Россия имеет и лазеры с самыми мощными в мире импульсами, и новые технологии “микронного” класса. Здесь разрабатывают не только термоядерное оружие, но и новейшую медицинскую технику: лазеры-скальпели и искусственные хрусталики глаза, кроватный комплекс для тяжелых ожоговых больных и диагностическую аппаратуру, а также была пущена первая очередь алмазно-бриллиантового производства по обработке природных алмазов; ведутся крупные исследования в области управляемого термоядерного синтеза для нужд энергетики будущего.

Ушла в прошлое абсолютная “закрытость” ВНИИЭФ. Город Арзамас-16 – Кремлев – Саров

еще не указывают на географических картах, но в нем уже побывали десятки научных и деловых делегаций из США, Франции, Англии, Японии, Китая, Германии и других стран. Во ВНИИЭФ все чаще проводятся международные научные конференции.

Другая лаборатория по разработке ядерного оружия была создана на берегу озера Синары в Челябинской области. Челябинск-70 и НИИ технической физики создавались одновременно. Челябинск-70 в 50-х годах отпочковался от Арзамаса-16 и собрал самых талантливых ученых. Это, по существу, крупнейшие научно-технические центры, где наука, конструирование и производство являются одним неразрывно связанным циклом, где создана уникальная экспериментальная, вычислительная и производственная база. Деятельность этих институтов сыграла решающую роль в обеспечении равновесия ядерных вооружений СССР и США. Потенциал научных коллективов позволял решать крупные проблемы научно-технического обеспечения и процессов ядерного разоружения.

Лучшие специалисты страны отбирались для работы в этих институтах. Жизнь в закрытых городах была трудна из-за особого режима доступа родных и близких, но все мирились с этим, поскольку работа была важной и престижной. Работать на оборону – это звучало гордо. О какой-то особой привилегированности этих городов не может быть и речи. В том же Арзамасе-16 его жители имели нормальный достаток, снабжение было на уровне областных городов. В остальном же приходилось трудно. Работали в основном на энтузиазме, особенно после войны, с пониманием того, что обеспечивают защиту страны.